

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА

ЯЗЫКИ ЭСТЕТИКИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОЛЯ ПРЕКРАСНОГО И БЕЗОБРАЗНОГО

Составитель и ответственный редактор
член-корреспондент РАН *Н. Д. Арутюнова*

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«ИНДРИК»

Москва 2004

новать некоторых весьма знатных художников, коих рисунки хотя рисованы с ученостию и разумом, но кажутся быть *печатными*, затем что рука их воздерживаема была разсудком, и что паче всего они старались наблюдать исправность очертаний, и выражение предлежности». Представление о незаконченности, «невоздерживаемости разсудком», в свою очередь, связано с понятием *je ne sais quoi* (*de beau, de pittoresque, etc.*)

Для восприятия того, что не может расчислить и объяснить рассудок, необходима новая «способность суждения» — *effet au premier coup d'œil*, противопоставляемое *progrès du raisonnement* (оппозиция, впервые сформулированная Паскалем). В этой традиции лежит принципиально важное для эстетики Роже де Пилиа и уже упоминавшееся нами разделение понятий *beauté* и *grâce* (переводимой на русский как *приятность*): «Кажется, ее можно определить так: приятность есть то, что *без соучастия разума* нравится и пленяет сердце» [курсив автора]¹⁰. Понятию *je ne sais quoi* невозможно дать никакого точного определения, его нельзя перевести ни на какой другой язык (это, наверное, самая «антилингвистическая» категория французской эстетики: невозможность дефиниции здесь — суть содержания). В то же время мы можем говорить о таких компонентах значения этой идиомы, как «скорость, внезапность восприятия, неожиданность, озарение».

Видимо, отсутствие концептуализации прилагательного *pittoresque* в русском языке связано с более общими культурными процессами — в том числе и с непониманием и отрицанием русским классицизмом иррациональных моментов классицизма французского¹¹. Впрочем, в конце перевода Роже де Пилиа издатель добавил два стихотворения, «кои по относительности своей к содержанию сей книги здесь припечатаны»: одно из них посвящено Михайлу Матвеевичу Иванову, брату переводчика, неким Николаем Жарковым. В этом стихотворении есть такие строки:

Но ты, превосходя Лоррена чертежами,
Простой нам можешь вид изящным начертать:
Предлогов разностью, зарей с теньми играми,
И многим чем-то тем, *чего нельзя назвать*.

¹⁰ Интерес представляет здесь также введение слов из кулинарной лексики «Она [приятность. — Т. С.] должна служить приправою (*assaisonner*) всем вышеупомянутым частям».

¹¹ Одним из косвенных следствий подобного игнорирования явилось известное уподобление А. Снявским социалистического реализма «социалистическому классицизму».

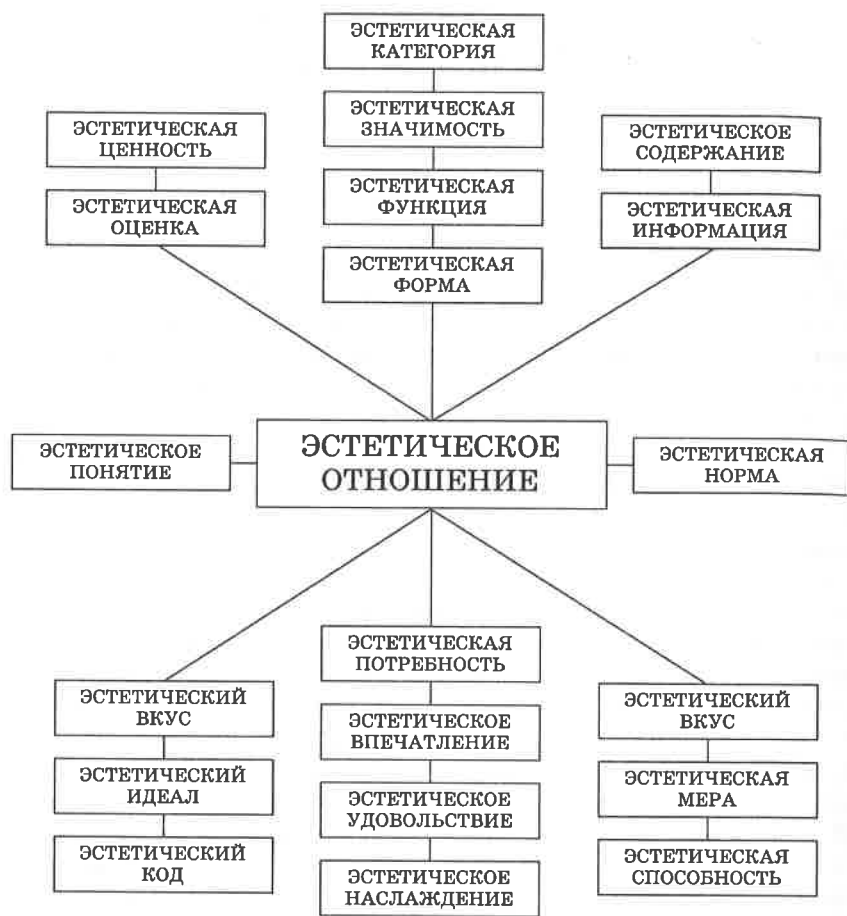
Б. ТОШОВИЧ

ЯЗЫКОВОЕ ОТНОШЕНИЕ КАК ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ОТНОШЕНИЕ

0. В заглавии данной статьи находятся два понятия — эстетика и отношение. Эстетика является наиболее сложной, трудоемкой, дискуссионной и наименее упорядоченной из всех гуманитарных дисциплин, постоянно балансирующей на грани материального и духовного, рационального и иррационального, вербализуемого и невербализуемого [Бычковы 2001: 456]. Истолковать отношение нетавтологически (без попадания в концептуальный тупик) почти невозможно. Оно является комплексным феноменом, основу которого составляет бинарная связь ($A \leftrightarrow B$), точнее, оно является необратимым и неутилитарным аксиологическим притяжением или отталкиванием перцепированного явления. Существуют два основных подхода к эстетическому отношению. Первый базируется на положении о том, что объектом эстетического отношения являются природные свойства и свойства действительности (естествоведческая концепция). Во втором подходе в качестве обязательного компонента выступает общество (социальная концепция). В некоторых подходах наблюдается необычайная ситуация. Так, М. Г. Тофтул написал целую главу под названием «Категориальное определение эстетического отношения», но не дал и самого определения [Тофтул 1968: 29–57]. Зато эстетическое он толкует как отношение: «Эстетическое — это такое отношение, при помощи которого индивид, вступая в непосредственный контакт с очеловеченным миром, постигает и переживает, оценивает сложный и противоречивый процесс становления человека, как прогрессирующий (в принципе), посредством чего духовно самоутверждается в качестве целостной свободной личности» [Там же: 26]¹. Известные эстетики Георг Гегель, Иммануил Кант, Фридрих Шеллинг, Теодор Адорно, Артур Шопенгауэр, Бенедетто Кроче, Умберто Эко и др. не толкуют отдельно эстетическое отношение, а затрагивают его в рамках анализа других проблем.

¹ Выражение эстетического отношения искусства к действительности подчеркивал Н. Г. Чернышевский в докторской диссертации, защищенной в 1855 г. [Чернышевский 1955].

Схема 1

1. В основе эстетического отношения находится особый тип отношения — аксиологический (ценностный). Хотя эстетическое отношение является фундаментом всего эстетического (схема 1), в классической эстетике оно не числится в списке основных эстетических категорий, какими являются прекрасное, комическое, трагическое, трагикомическое, грациозное, величественное, героическое, патетическое и др. Эстетическое отношение образует духовную связь между субъектом и объектом,

основанную на незаинтересованном интересе к последнему и сопровождаемую чувством глубокого духовного наслаждения от общения с ним [Эстетика 1989: 244]².

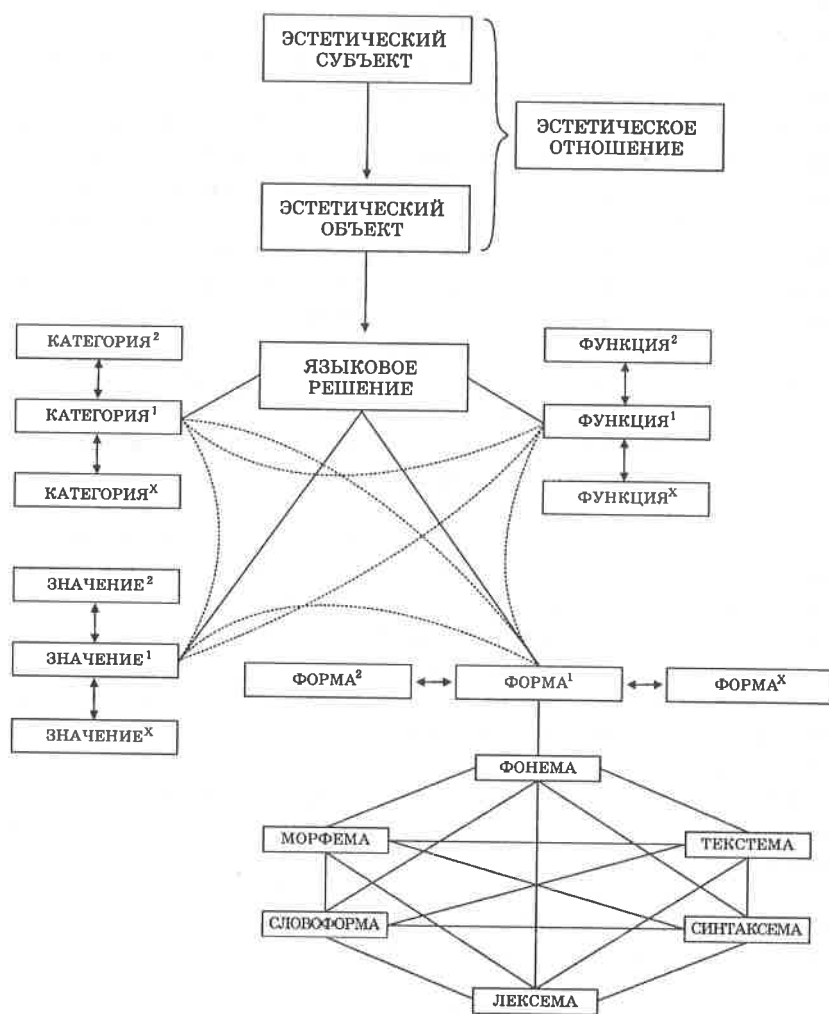
2. Из эстетического отношения зарождается эстетическая информация. Она составляет основу эстетических суждений, эстетической ценности и эстетического наслаждения. На ее основе возникает оценка, насколько высказывание является эстетически устроенным, красивым или плохим, гармоничным или дисгармоничным, совершенным или эстетически неоформленным. Подход к эстетическому может быть гедонистическим и утилитарным. Гедонистическое отношение ведет к эстетическому наслаждению, в то время как утилитарный подход стремится к объективному, научному осознанию. В первом случае возникают реакции в форме наслаждения, восторга и отвращения, удовольствия или негодования, радости или мучения... Гедонистическое отношение связано с одной из важнейших функций языка — воздействием (перлокуцией). Носителями такого отношения выступают элементарные языковые единицы, но и более широкие текстуальные комплексы. Эстетическая информация прямо связана с эстетическими нормами как «общепринятыми принципами эстетической деятельности, творчества и восприятия, а также образцами художественно-эстетических ценностей в данном социальном коллективе и его культуре, правилами создания и восприятия произведений искусства, в случае строгой непреложности принимающими форму канона» [КСЭ 1983: 104].

3. Каждое эстетическое отношение, обратимое или необратимое, осуществляется в квадрате доминант, которые составляют форма, значение, функция и категория (схема 2). Такое отношение могут образовать гомогенные доминанты (например, форма¹ — форма², значение¹ — значение²) и гетерогенные (скажем, форма¹ — значение², категория² — функция¹)³.

² Это взаимодействие рассматривается и по-другому: «Эстетическое отношение — особое отношение человека к действительности, в процессе которого человек раскрывает и выявляет меру целостности предметов, явлений и ситуаций объективного мира, проявляет и переживает развитие в себе способности и возможности активной творческой деятельности, оценивает степень совершенства явлений действительности и степень гармонии человека и мира» [КСЭ 1983: 109].

³ Эти связи анализируются как эстетическое значение [Донецких 1980], эстетическое значение отдельных языковых единиц [Сваричевская 1990], эстетическая функция [Mukařovský 1935; 1936; Эко 1977], эстетическая категория (в различных работах по эстетике) и т. п.

Схема 2

4. Центральным аспектом эстетического отношения является связь субъекта и объекта. Она является сложным и разнообразным, поэтому существуют различные толкования. Среди них выделяется подход Леонида Столовича, который провел анализ взаимоотношения эстетически оцениваемого предмета, общества и личности в системе эстетического отношения [Столович 1999: 180–181]. В его модели элементарное эстетическое отношение имеет формулу:

$$\begin{matrix} \pm \\ \Pi \leftrightarrow O \end{matrix}$$

Она выражает взаимодействие (а) эстетически оцениваемого предмета, явления и (б) общества. Эта формула далее уточняется в четыре фазы.

(1) Подчеркивается объект эстетического отношения:

$$\begin{matrix} \pm & \pm \\ (\Pi \leftrightarrow O) \end{matrix} \Leftrightarrow Я_0,$$

где Π — предмет, явление, подлежащее эстетической оценке, O — общество, общественные отношения, « $\leftrightarrow$ » взаимодействие, «+» и «-» модальность взаимодействия, $\Leftrightarrow$ знак, обозначающий взаимодействие, не являющееся чисто случайным по отношению к общественной практике, а $Я_0$ — личность, рассматриваемая как «представитель общества».

(2) Выделяется элементарный акт эстетического опыта:

$$\begin{matrix} \pm & \pm \\ [(\Pi \leftrightarrow O) \end{matrix} \Leftrightarrow Я_0] \rightarrow Я.$$

(3) Формализуется эстетический вкус как суммирование эстетического опыта:

$$\sum \sum_n \{ \begin{matrix} \pm & \pm \\ (\Pi \leftrightarrow O) \end{matrix} \Leftrightarrow Я_0 \} \rightarrow Я,$$

где $\sum_n$ — сумма эстетического опыта, n — индекс, который нумерует элементарные акты эстетического восприятия, $\sum$ — знак суммирования вкусовых оценок.

(4) Представляется эстетический идеал как сумма эстетического вкуса и дается общая модель эстетической способности:

$$\sum \sum_n \{ \begin{matrix} \pm & \pm \\ (\Pi \leftrightarrow O) \end{matrix} \Leftrightarrow Я_0 \} \rightarrow Я.$$

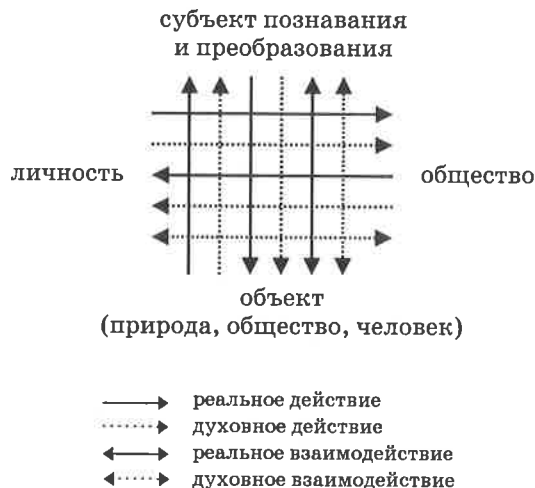
Окончательная формула Д. Столовича состоит из следующих элементов:

$$\begin{matrix} \pm & \pm \\ (\Pi \leftrightarrow O) \end{matrix} \Leftrightarrow Я_0 \rightarrow \sum \sum_n \{ \begin{matrix} \pm & \pm \\ (\Pi \leftrightarrow O) \end{matrix} \Leftrightarrow Я_0 \} \rightarrow Я$$

5. Л. Столович констатирует, что вещи не являются хорошими или дурными сами по себе, без отношения к человеку. Они не характеризуют явления, предметы, вещи «в себе», а возникают и раскрываются в отношении к субъекту, охватывая значения явлений, предметов, вещей для субъекта. Однако ориентирован-

ность ценности на субъект не делает их чисто субъективными явлениями, не лишает их общественно-исторической объективности, ибо практическое взаимодействие субъекта и объекта представляет собой объективный процесс. «Между субъектом и объектом существует также оценочное отношение, которое необходимо в процессе познавательной и преобразовательной деятельности человека и которое является своего рода мостом от познания к преобразованию» [Столович 1999: 186–187]. Важным также является отношение субъекта к другому субъекту.

6. Взаимное переплетение различных отношений и деятельностей в познавательной и преобразовательной системе «субъект — объект» и в социально-психологической системе «личность — общество» изображается следующим образом [Там же: 188]:

В этой модели выделяются два типа отношений — (1) одностороннее: ОБЪЕКТ → СУБЪЕКТ — детерминация объектом субъекта, субъект → объект — преобразовательное отношение, в процессе которого осуществляется деятельность субъекта по преобразованию объективной реальности и созданию новых объектов, СУБЪЕКТ → ОБЪЕКТ — практическое взаимоотношение субъекта и объекта, практика, ОБЪЕКТ → СУБЪЕКТ — познавательное отношение субъекта к объекту — отражение объекта в сознании субъекта, СУБЪЕКТ → ОБЪЕКТ — ценностно-оценочное отношение субъекта к объекту, ЛИЧНОСТЬ → ОБЩЕСТВО — отношение, в кото-

ром личность управляет обществом или какой-либо его частью, ОБЩЕСТВО → ЛИЧНОСТЬ — формирование обществом личности в процессе социализации личности или ее воспитания, (2) двустороннее: ЛИЧНОСТЬ ↔ ОБЩЕСТВО — ценностно-оценочное отношение личности к обществу, ОБЩЕСТВО ↔ ЛИЧНОСТЬ — ценностно-оценочное отношение общества к личности, ЛИЧНОСТЬ ↔ ОБЩЕСТВО — коммуникативное взаимоотношение между личностью и обществом, СУБЪЕКТ ↔ ОБЪЕКТ — духовно-практическое отношение субъекта и объекта, образующееся на основе практики, составляющее духовно-объективный мир ценностей.

7. Языковое отношение как эстетическое отношение можно представить следующим образом:

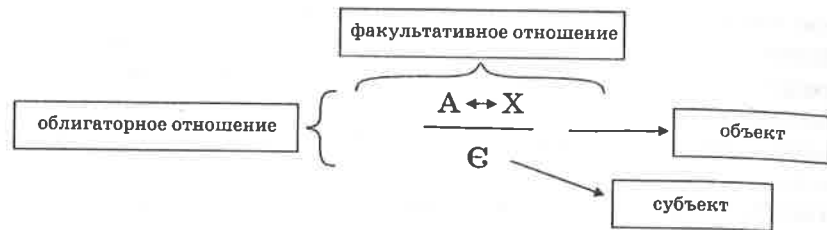

8. Элементарная формула языкового отношения как эстетического, на наш взгляд, имеет следующий вид:

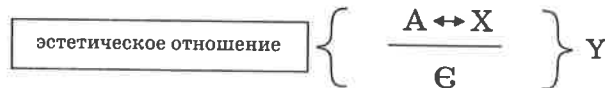
$$\left(\frac{A \leftrightarrow X}{\epsilon} \right)$$

A, X — эстетический объект, ϵ — генератор (субъект) эстетического отношения

В языковом отношении как эстетическом существуют облигаторные и факультативные связи. Облигаторную корреляцию образуют субъект и объект (так как данное взаимодействие не может существовать без них). Факультативная корреляция касается числа объектов. Эстетическое отношение состоит из двух постоянных (субъекта и объекта) и одной переменной (нефиксированного числа объектов, вступающих в эстетическое отношение). Таким образом, структуру языково-эстетического отношения как эстетического составляют:

Общая формула языкового отношения как эстетического получает следующий вид:

A, X — эстетические объекты, $Є$ — субъект эстетического отношения, Y — эстетик

9. Корреляция языковое отношение $\leftrightarrow$ эстетическое отношение порождает четыре возможных варианта истинности: 1) все языковые отношения являются эстетическими ($A \leftrightarrow B \leftrightarrow X = e$), 2) все языковые отношения не являются эстетическими ($A \leftrightarrow B \leftrightarrow X \neq e$), 3) некоторые языковые отношения являются эстетическими (не $A \leftrightarrow B$, но $B \leftrightarrow C = e$), 4) некоторые языковые отношения не являются эстетическими ($A \leftrightarrow B = e$, но $B \leftrightarrow C \neq e$). Три из них являются реальными (потенциальными, возможными) — 1, 2 и 3. Нет противоречивости (контрадикции) между 3 $\leftrightarrow$ 4, в то время как контрадикторными являются 1 $\leftrightarrow$ 2, 1 $\leftrightarrow$ 3, 1 $\leftrightarrow$ 4 и 2 $\leftrightarrow$ 4.

10. Языковое отношение как эстетическое подразумевает три аспекта: денотативный, сигнификативный и формальный. В эстетизации денотативного отношения существуют простые случаи типа: *Маша (А) — красивая*. Терм A становится эстетическим объектом на основе ассоциативного (парадигматического) отношения с другими объектами, т. е. объект A эстетизирован на базе скрытого, имплицитного сравнения с другими объектами ($B, C \dots X$). В предложении *У Маши (А) красивые глаза (а)* эстетическое замыкается в A , но в нем фокусируется отношение часть (a) $\leftrightarrow$ целое (A) и первое эстетизируется. Здесь также эстетическое затрагивает парадигматическое отношение, так как a ассоциативно соотносится с $b, c \dots x$ (положительного, отрицательного или нейтрального характера). В предложении *У Маши (А) красивая юбка (В)* эстетизация охватывает отношение «предмет $A \leftrightarrow$ признак предмета B , который соотносится с ним». В предложении *У Маши (А) нежный поцелуй (С)*

появляется новый тип объекта, так как эстетизация подразумевает явный, эксплицитный объект (A) и скрытый, имплицитный объект C — тот, кто целуется с A , кто составляет presupposition. В предложении *У Маши (А) красивая сестра (В)* в объектном отношении находятся два члена: A и B . Объект B эстетизируется не прямо, а через A . В отличие от предыдущих случаев эстетизация «перепрыгивает» через первый терм (A). В примере: *Как Маша (А) целуется с Петром (С)* эксплицированы два объекта (A и C), которые находятся в рефлексивном отношении, а эстетический и коммуникативный фокус падает на A .

11. В эстетизации языковых отношений одним из основных вопросов является эстетическая ценность парадигматических и синтагматических связей. Это в первую очередь относится к полисемической, синонимической, омонимической и антонимической корреляции.

12. Полисемическое отношение имеет следующую структуру:

$$\frac{Y_1 \leftrightarrow Y_2 \leftrightarrow Y_x}{\frac{A}{Є}}$$

Y — денотат, A — языковая единица (лингвема), $Є$ — субъект эстетического отношения

Полисемия позволяет нейтрализовать одно из самых неэстетических явлений — ненужное повторение. Объектом эстетизации в полисемическом отношении является одна языковая единица (A), имеющая несколько референтов ($Y_1 \leftrightarrow Y_2 \leftrightarrow Y_x$). Эстетизация ограничена на A , но эстетическое отношение возникает при изменении направления: в то время как в неэстетическом акте A относится к Y_1 , в процессе эстетизации Y_1 используется в качестве моста для настоящего ориентира Y_x . Самой выразительной формой эстетизации полисемического отношения является метафора: в ней при помощи A выражается Y_1 через Y_x . Ср.: *А восток все горит-разгорается* (И. Никитин. «Утро»). — *Душа кипит и замирает* (А. Пушкин. «Погасло дневное светило...»). — *И очи синие бездонные / Цветут на дальнем берегу* (А. Блок. «Незнакомка»). — *В дряхлую ночь хохочут и ржут канделябры* (В. Маяковский. «Облако в штанах»). — *И звезда с звездою говорит...* (М. Лермонтов. «Выхожу один я на дорогу...»). — *Спит ковыль...* (С. Есенин. «Спит ковыль...»). — *Где бодрый серп гулял и падал колос...* (Ф. Тютчев. «Последняя любовь»). — *Как смеялась старая гармошка!* (М. Исаковский. «Памяти Н.»).

В парадигматическом полисемантическом отношении ассоциативно соотносятся значения $Y_1 \leftrightarrow Y_2 \leftrightarrow Y_n$. Такие случаи наблюдаются тогда, когда прямое и переносное значения реализуются не одновременно, в контакте, а последовательно. К такой парадигматической связи можно прийти только аналитическим путем. В подобных случаях нельзя говорить о стилистической выразительности, поскольку нереально добиться эффекта на большом расстоянии. Ср.: *Давлю всюю!* [Шолохов 1975: 19]. — *Что же ты по больному месту давишь так, бессердечный ты человек?* [Там же: 22]. — *Давай, браток, перекурим, а то меня что-то удушье давит* [Там же: 37]. В синтагматическом полисемантическом отношении эксплицируется одно значение, а имплицуется другое.

13. Синонимическое отношение эстетизируется по-другому:

$$\frac{Y}{A \leftrightarrow B \leftrightarrow X} \\ \epsilon$$

Y — денотат, A, B, X — языковые единицы (лингвемы)

Объектом эстетизации являются несколько языковых единиц ($A \leftrightarrow B \leftrightarrow X$), имеющих один и тот же (или почти тот же) денотат Y. Это отношение предоставляет большие возможности для эстетизации. В ней определяется эстетическая ценность A по отношению к B и/или X. Эстетизация может происходить на парадигматическом и синтагматическом уровнях. На парадигматическом уровне ассоциативно соотносятся $A \leftrightarrow B \leftrightarrow X$ и выявляется их эстетическая ценность. Например, для понятия 'умереть/умирать' в сербохорватском языке существует около 50 синонимов, каждый из которых эстетизируется (эстетически оценивается) таким образом, что соотносится с другим ($A \leftrightarrow B \leftrightarrow X$). Или: М. А. Шолохов при помощи синонимического ряда с доминантой *идти* передает разные нюансы движения (ускорение или замедление, легкость или трудность), отношения (ироничную, оскорбительную позицию), тональность (торжественность), например: 1. *Под сапогами хлюпал размокший снег, идти было тяжело...* [Шолохов 1975: 32]; 2. *Холостой еще ходил к Ирине на свиданья, и то оно так не стучало!* [Там же: 33]; 3. *Думал, все прошли, приподнял голову, а их шесть автоматчиков — вот они — шагают метрах в стах от меня* [Там же: 20]; 4. *«Ступай в свой блок, а это тебе за смелость», — и подает мне со стола небольшую буханку хлеба и кусок сала* [Там же: 31–32]; 5. *Топай, мол, рабочая скотина, трудиться на наш рейх* [Там же: 20]; 6. *Бросил я лопату и тихо*

пошел за куст... А потом — бегом, держу прямо на восход солнца... [Там же: 26]; 7. *Тут своих не успеваешь хоронить, а тут слух по лагерю идет, будто немцы уже Сталинград взяли и прут дальше, на Сибирь* [Там же: 28]; 8. *Они устало брели по направлению к переправе, но поравнявшись с машиной, повернули ко мне* [Там же: 9]; 9. *Ехал я быстро, но за городом сбавил газ, потом остановил машину, вылез, огляделся: далеко сзади две грузовых тянутся* [Там же: 34]. В синтагматическом синонимическом отношении реализуются два или более синонимов ($A \leftrightarrow B \leftrightarrow X$), и поэтому они эстетически оцениваются во взаимной связи типа: И выноси (A) его на двор, Вытаскивай (B) его на двор. Вытряхивай (C) его на двор! Вышвыряй (D) его на двор! (Г. Сабгир. «Звуки»).

14. Омонимическое отношение представляет собой следующий тип эстетизации:

$$\frac{Y \leftrightarrow Z \leftrightarrow X}{A} \\ \epsilon$$

Y, Z, X — денотаты, A — языковые единицы (лингвемы)

Ее объектом является одно слово, имеющее несколько гетерогенных значений, т. е. генетически несвязанных (в некоторых случаях речь идет о различных частях речи). Сознательным соотношением двух или более слов одного и того звучания, но различного значения создается особый эффект. На омонимическом отношении иногда базируется рифма. Ср.: *Однажды медник, таскуя, Сказал жене, тоскуя: Задам же детям таску я И разгоню тоску я* (Д. Минаев). Омонимическое парадигматическое отношение может в повседневной речи (чаще всего) создавать гетерофонию, амфиболию (двусмысленность) — ошибку, вызванную формальной идентичностью и семантическим несовпадением. Одним из классических примеров является *Мать любит дочь* (сербохорв. *Dijete je udarilo tele*). Некоторые (например, А. Н. Гвоздев и А. А. Реформатский) указывают на то, что омонимы являются «больными словами», «аномалиями», «слабостью или испорченностью языка» и что при их появлении происходит неприятное неразличение того, что необходимо различать. Другие считают, что такая позиция является ошибочной и что она могла бы быть правильной, если бы язык представлял собой математическую систему, в которой одно звучание имело бы одно значение, а одно слово облагодало одним значением: «Но язык складывается иначе, он имеет свою специфику: в языке слово-знак имеет определенное значе-

ние только в контексте. Ср.: в математике 3 всегда обозначает три — 3, 13, 23, 30, 300, 403, 3000 и т. д. В языке же слово-знак, например *ключ*, приобретает определенное значение только в контексте: *Я открываю дверь без ключа — Утолить жажду водой из ключа*. Поэтому язык обычно не испытывает особых неудобств от существования омонимов, ибо контекст с полной определенностью наводит слушателя или читателя на правильное понимание. Контекст, ситуация речи обычно вполне «обезвреживают» их, устраняют возможную двусмысленность» [Михайлов 1968: 266–267]. Омонимы устраняются там, где создают двусмысленность, а там, где не мешают, они являются природным и закономерным явлением. «Дело в том, что омонимы иногда выступают как своеобразные подводные камни, которые могут не привлечь внимания говорящего или пишущего и, будучи не замеченными автором, вызывать те или иные затруднения в понимании сказанного или написанного. Это бывает в тех случаях, когда мысль автора не получает довольно точное выражение, причем используются лексические и грамматические средства в полном соответствии с нормами языка. Но конструкция в стилистическом отношении все же считается дефектной, ибо оказывается двусмысленной, выражающей сплошь и рядом лексический и морфолого-синтаксический омонимизм и выступает как стилистический дефект речи» [Там же: 265].

15. Антонимическое отношение имеет следующую эстетическую структуру:

$$\frac{Y \leftrightarrow Z}{\frac{A \leftrightarrow B}{\epsilon}}$$

Y, X — денотаты, A, B — языковые единицы (лингвемы)

Данное отношение имеет сугубо бинарный характер — в нем эстетизируется один объект по отношению к другому ($A \leftrightarrow B$). В парадигматическое антонимическое отношение вступает эстетическая ценность нереализованного A и нереализованного B (скажем, слово *черное* по отношению к слову *белое*). Синтагматическое антонимическое отношение играет важную роль в создании эстетических ценностей. В нейтральной антонимии, в которой противопоставляются A и B без создания особой экспрессивности, речь идет об обычной номинации. Экспрессивная антонимия используется в целях создания особого эффекта в форме контраста, антитезы, оксюморона и т. п.

16. Интересными являются случаи создания эстетического отношения к самому себе. Хороший пример — Пьер Безухов. Он обращается к Наташе Ростовской: *«Если бы я был не я, а красивейший и лучший человек в мире, и был бы свободен, я бы сию минуту на коленях просил руки и любви вашей»* [Толстой 2000]. Структуру эстетического автоотношения можно представить как:

$$\left\{ \frac{A^1 \rightarrow A^2}{\epsilon} \right\}$$

а автоотношение Безухова:

$$\left\{ \frac{Я \leftrightarrow Не Я}{\text{Безухов}} \rightarrow \text{Ты} \right\}$$

17. Существуют четыре типа субъекта эстетического отношения (четыре *homo estheticus*): эстетор, эстетист, эстет и эстетик. Эстетор является субъектом, который исходит из своего индивидуального эстетического кода и порождает эстеторское отношение (а). Он размышляет следующим образом: *Я соотношу A, B... X и в соответствии с своим эстетическим кодом создаю эстетическое отношение между ними*. Эстетор, например, говорит: *Как я хорошо соединил красное и желтое!* Эстетист является субъектом, который воспринимает объект исходя не из собственного, а общего (коллективного) эстетического кода и создает эстетистское отношение (б). Его типичные размышления: *На основе коллективного эстетического кода я соотношу A, B... X и нахожу между ними эстетическое отношение*. Типичным утверждением эстетиста является: *Я согласен с тем, что красное и черное идут вместе*. Эстет — тот, который стремится к эстетическому совершенству, который обладает развитым эстетическим чувством и вкусом. Эстетизатор — каждый субъект, эстетически воспринимающий объект и создающий эстетизаторское отношение (в). Это может быть эстетор и эстетист. Эстетик не порождает эстетическое отношение, а рассматривает объект в аспекте эстетики и аналитическим путем находит эстетическое отношение (г). Он размышляет: *Между A, B... X существует эстетическое отношение, которое можно истолковать следующим образом...* Его позиция может иметь форму: *Красное и белое создают гармонию*. В качестве иллюстрации данных типов

можно взять любую группу людей, скажем, определенный коллектив. Все его члены являются эстеторами, так как в зависимости от своего индивидуального кода они выбирают соответствующую одежду, обувь, украшения и т. п. Некоторые из них иногда принимают совет из близкого окружения (матери/отца, жены/мужа, сестры/брата...) и, в соответствии с их (а не с собственным) кодом, одеваются и становятся эстетистами. В этой группе редко встречается тот, кто профессионально занимается эстетикой, т. е. эстетик. Таким образом, все являются эстеторами, некоторые эстетистами, вероятно, никто эстетиком, но зато все они эстетизаторы.

18. Выделение нескольких типов эстетического субъекта — эстетизаторов является важным для толкования языкового отношения как эстетического, потому что существуют лингвистические эстеты, эстеторы, эстетисты и эстетизаторы. Один из них — эстетолингвист: тот, который рассматривает языковые единицы как эстетические. Так, эстетосемантики объясняют семантику слов, выражающих эстетические отношения, понятия и категории. Их эстетизаторское отношение имеет формулу:

$$\frac{I_1 \leftrightarrow I_2 \leftrightarrow I_x}{A \leftrightarrow B \leftrightarrow X} \quad L$$

Е

I — единицы (лингвемы), A, B... X — денотаты, Е — эстетизатор, L — эстетолингвист

19. Позиция эстетора и эстетиста играет важную роль в стилистике, речевой культуре и стандартологии (нормативистике). В последней используются эстетические критерии для выработки рекомендаций в форме орфографических, орфоэпических, лексических, грамматических и др. правил. При таком подходе господствующую роль должен иметь тот, кто исходит из общего, коллективного эстетического кода, т. е. эстетист. Но, к сожалению, часто главным судьей является не эстетист, а эстетор.

20. Оценка эстетического объекта лингвоэстетизатором обычно сводится к провозглашению одной оценки субъективной, а другой объективной. Ср.: «Понятие благозвучия связано также с эстетической оценкой звуков речи. Еще в эпоху античной древности считали неприятным, неблагозвучным звуком „сигму“, повторение этого согласного в речи не поощрялось, поэтому древние поэты старались не употреблять слов с „сигмой“. Эмоциональное отношение к звукам речи свойственно и русским поэтам, стремившимся к „сладкогласию“,

красоте звучания речи. „...Что за ы? Что за ца, ший, щий, ши, при, тры? О, варвары!“ — восклицал К. Н. Батюшков. В новую, советскую эпоху В. В. Маяковский, напротив, выступая против „гладкосочинительства“, защищал резкие, грубые звуки: „Есть еще хорошие буквы: эр, ша, ца!“». <...> М. Горький советовал молодым писателям избегать шипящие звуко сочетания *вши, вши, вшу, ца, щей*, не допускать повторения свистящих и шипящих звуков, если они не звукоподражательны... Однако проведенные в последние годы исследования убеждают в том, что эмоциональная окраска звуков воспринимается одинаково говорящими на одном языке. Нам кажутся неблагозвучными, например, причастия *тащащийся, скрежещущий, морщащийся, тщащийся, нянчащийся*, форма превосходной степени прилагательного *мощнейший* и т. п. Мы стараемся не употреблять такие формы, как *тощайший* (от *тощий*), *тищедушнейший* и т. п. Напротив, „музыкальные“ звуки — гласные, сонорные, звонкие согласные (которые в отношении к „безголосым“, т. е. шумным глухим, составляют 74,5%) — придают речи напевность, красоту звучания. Сонорные согласные в русском языке часто начинают слово или оказываются перед ударным гласным (*роза, рано, море, милый, лодка, лебедь, нега, новый, нива* и под.), определяя звучание речи» [Голуб 1986: 268–69].

Языковое отношение как эстетическое изучают, как правило, лингвистические эстетизаторы в рамках исследований конкретных феноменов. Так, анализируется эстетика языка [Muкаřovský 1940], эстетика языкового выражения [Miko 1966], эстетика языка и речи [Николаева 1979], эстетическое своеобразие частей речи [Беззубов 1975], реализация эстетических возможностей прилагательных [Донецких 1980], эстетическая функция слова [Донецких 1982], эстетическая функция поэтической речи [Лебедева 1973], применение эстетических критериев к функциональным стилям [Разинкина 1985], эстетическое значение глагольных словосочетаний [Сваричевская 1990], эстетическая функция вульгаризмов [Животић 1982] и т. п.

21. Существует пять типов субъектов эстетического отношения: «унитаристы», «биполярики», «триколорники», «парашютисты», «водолазы» и «инопланетяне»⁴. «Унитаристы» сводят

⁴ В широком научном плане можно выделить и другие типы исследователей. Скажем: «Принято делить ученых на романтиков и классиков. Первые — генераторы идей, вдохновенные творцы и фантазеры. Вторые — собиратели и обобщатели фактов, создатели обстоятельных трудов. Владимир Иванович Вер-

все эстетическое к одному (как правило, к прекрасному). Эстетор является «унитаристом», так как у него только один ориентир — собственный эстетический код (особенно в случаях, когда он придерживается лозунга «Эстетический идеал — это мой идеал»). «Биполярники» находят только двухчленные оппозиции. Такими в основном являются эстетисты, так как они размышляют в противопоставлениях «прекрасное—безобразное», «хорошее—плохое». «Триколорники» замыкаются в треугольник: эстетический объект — собственный эстетический код — чужой эстетический код. Для «парашютистов» языковые отношения являются сплетением различных перспектив, поэтому и эстетическое отношение имеет такой же характер. «Водолазы» различают поверхностные и глубинные

надский — признанный классик естествознания... <...> Ученые-романтики проявляют свои таланты в молодые годы. Например, чрезмерно прославленный физик А. Эйнштейн до тридцатилетнего возраста создал фотонную теорию света, теорию броуновского движения, специальную теорию относительности (на основе преобразования К. Лоренца). В последующие 45 лет у него не было сколько-нибудь значительных открытий, не говоря уж о том, что он был основателем новых дисциплин или комплексных учений. <...> В молодые годы вспышки озарений испытывают многие мыслители. Это относится не только к поэтам, но также к математикам, физикам. В естествознании так не бывает. Оно требует, помимо всего прочего, обширной эрудиции и способности к синтезу самых разнообразных идей и фактов. Вот почему гениальное учение о биосфере оформилось в сознании Вернадского, когда творцу было уже около шестидесяти лет» (Р. Баландин в предисловии к [Вернадский 2002]).

Т. М. Николаева дает классификацию ученых на основании двух критериев: 1) используемого метода (научного взгляда), 2) объекта исследования (всеобщности анализируемых фактов), но в обоих случаях в оппозиции «старое—новое» [Николаева 1990]. Первый тип она называет «старое о старом». Такие ученые передают достижения других в книгах обзорного характера. «Ученые такого типа уважаемы без восхищения и обильного их цитирования, их охотно приглашают быть членами ученых советов, оппонентами, рецензентами и под.» [Там же: 188]. Другой тип имеет обозначение «старое о новом». Эти исследователи обычно используют проверенные методы на что-нибудь совсем новое. У них всегда великие предшественники, они отличаются большой эрудицией и составляют большую часть академической науки. Третий тип получил название «новое о старом». Сюда относится небольшое число ученых, принимающих на себя задачу, неадекватную результатам, задачу посмотреть другими глазами на что-нибудь очень давнее и хорошо описанное, на факты, которые выглядят хрестоматийно известными. В таком подходе новизна является действительно новизной, поэтому он выступает как прорыв, прозрение. Условно этот тип можно назвать моцартовским. Четвертый тип получил имя «новое о новом». Сюда относятся те, которые выдвигают новые идеи, на базе нового или необычного материала. Их часто не понимают, не уважают, иногда просто не слушают. Из этой группы выходят глашатаи новых направлений с блестящим научным будущим или, наоборот, непризнанные и амбициозные «новаторы-неудачники».

структуры. Они (подобно Н. Хомскому) избегают входить в эстетические отношения, хотя и в них существуют такие структуры. «Инопланетяне» смотрят на язык как на огромный и бесконечный космос отношений. Для них эстетические отношения являются вселенной.

22. Существуют различные эстетические ориентации, в первую очередь те, которые направлены на создание конструкции, проведение реконструкции, деструкции или проскрипции и использование дескрипции. Первая стремится создать новую теорию (направление, взгляд), вторая проводит модификацию существующих схем, третья представляет собой отрицание результатов и/или выдвижение новых, четвертая стремится предписать определенную модель как обязательную, а пятая преследует цель описать существующее состояние. В толковании языкового отношения как эстетического конструкция и реконструкция менее всего представлены, деструкция редко встречается (скажем, у Б. Кроче), проскрипция является типичной для тех, кто языковое отношение рассматривает прежде всего в рамках речевой структуры и как нормативный феномен, а дескрипция является самой распространенной.

23. В осмыслении реального мира используются различные процедуры: категоризация, концептуализация, функционализация, идентификация, полисемантизация, квантификация, концентрация, финализация и т. п. В категоризации языковые единицы сводятся к элементарным онтологическим (философско-логическим) категориям. В концептуализации осуществляется поиск концептов и примитивов. Функционализация направлена на определение общей функциональной нагрузки языковых единиц и выделение глобальных функций. В идентификации языковые единицы последовательно сводятся к более узкому кругу идентификатора — единиц с самыми общими признаками. Полисемантизация преследует цель создать конусную структуру многозначности. Квантификация направлена на поиск самых частотных единиц. В концептуализации проводится сгущение в семантические сплавы. Финализация стремится найти последнюю, конечную единицу, единицу, с которой все начинается и заканчивается. Все эти процедуры по-разному представлены в эстетике языковых отношений. Большинство из них стремится найти доминанту, собственно эстетическую или частично эстетическую. Существуют реальные (онтологические, денотативные), концептуальные (понятийные, гносеологические, сигнификативные) и формальные (выразительные, номинативные), соответственно выделяются реально-эстетические, концептуально-эстетические и формально-эстетические доминанты.

24. Примером эстетической финализации (выделения финального, окончательного, последнего элемента) является провозглашение слова года, десятилетия, столетия (положительного, хорошего слова) или самого плохого слова (антислова) года, десятилетия, столетия. В основе такой процедуры находится эстетизация, которую сопровождают другие аксиологические подходы (социологические, психологические, политические, утилитарные и т. п.). Приведем три примера.

(а) Американское диалектологическое общество регулярно регистрирует новые слова и выражения, входящие в словарь американского английского языка, а потом объявляет «слово года», «слово века» и т. п. Словом прошедшего десятилетия стал *веб* (*web*), словом XX в. — *джаз* (*jazz*), а словом тысячелетия — *она* (*she*). Выбор *она* (*she*) объясняется тем, что в I тыс. н. э. этой лексемы вообще не существовало (женщин называли *heo*, как синоним к 'они' *they* (мн. число для всех родов). Словом 2001 г. признана комбинация цифр 9–11, обозначающая дату террористической атаки на Нью-Йорк и Вашингтон.

(б) Общество немецкого языка (Gesellschaft für deutsche Sprache) каждый год проводит отбор слов и словосочетаний, которые имели необычайный резонанс в обществе или чаще всего употреблялись в определенном периоде (эстетическое отношение и здесь налицо). Оно составило список слов XX в.: *Autobahn* (автодорога), *Beat* (такт, удар), *Dritte Welt* (третий мир), *Drogen* (наркотики), *Eiserner Vorhang* (железный занавес), *Emanzipation* (эмансипация), *Energiekrise* (энергетический кризис), *Faschismus* (фашизм), *Fernsehen* (телевизор), *Fließband* (конвейер), *Freizeit* (свободное время), *Fundamentalismus* (фундаментализм), *Gen* (ген), *Globalisierung* (глобализация), *Holocaust* (массовое уничтожение), *Kommunikation* (коммуникация), *Konzentrationslager* (концлагерь), *Kreditkarte* (кредитная карточка), *Kugelschreiber* (шариковая ручка), *Massenmedien* (средства массовой информации), *Mondlandung* (посадка на Луну, прилунение), *Pille* (пилюля; противозачаточная таблетка), *Planwirtschaft* (плановая экономика, хозяйство), *Oktoberrevolution* (Октябрьская революция) и *Pereestrojka* (перестройка) (данные с сайта www.duden.de). С 1977 г. выбирается и слово года (*das Word des Jahres*). В США в 2001 г. им стало *11 сентября* (*der 11. September*). С 1991 г. в Германии определяется антислово года — самое плохое слово (*das Unwort des Jahres*). Такими стали: в 2001 г. *Gotteskrieger* ('божий воин' — исламский террорист), в 2000 г. *national befreite Zone* ('зона, свободная от иностранцев' — районы и места в восточных германских землях, которые терроризировали правые экстремисты), в

1999 г. *Kollateralschaden* ('коллатеральный ущерб' — натовское обозначение гражданских жертв войны в Косово), в 1998 г. *sozialverträgliches Fröhliches Leben* (ограничение роста гонораров врачей), в 1997 г. *Wohlstandsmüll* (названия лиц, непригодных для работы, и больных), в 1996 г. *Rentnerschwemme* (ошибочное представление о социально-политическом состоянии), в 1995 г. *Diätenanpassung* (увеличение суточных в Бундестаге), в 1994 г. *Peanuts* (большие открытые счета для ремесленных работ), в 1993 г. *Überfremdung* (насыщенность иностранцами), в 1992 г. *ethnische Säuberung* (этническая чистка), в 1991 г. *Ausländerfrei* ('без иностранцев' — лозунг против иностранцев) [Unwort 2001; Unwortdesjahres 2001]. Антисловом столетия (*das Unwort des Jahrhunderts*) стала лексема *Menschenmaterial* (человеческий материал) [Korlén 2000].

(в) В России составлен список «самых популярных слов» (лучше сказать «антислов») 1999 г., куда вошли *зачистка*, *мочить*, *пиар* и др., а также плохие «блоки слов» типа *информационная война*, *точечный удар* [Павлова-Сильванская 1999]. Словом 1944 г. стало *пожалуйста* [Слово года 1944], а в Свердловской области словом 2002 г. был назван *кворум*, так как с ним было много проблем в политической жизни [Слово 2002]. В Белоруссии экономическим словом 2001 г. выбрана *либерализация* [Слово 2001].

25. Формальные модели языковых отношений, в том числе и эстетических, можно свести к пяти основным фигурам: треугольнику, парашюту, дереву, конусу и сфере. Треугольник составляют эстетическое — субъект — объект. Парашют представляет собой сочетание различных эстетических перспектив в одно целое. При помощи дерева моделируются некоторые эстетические отношения. В конусе выделяется только одно эстетическое явление, например прекрасное.

26. Для начального анализа языкового отношения как эстетического лучше всего подходит сфера. Эта геометрическая фигура является идеальной для формализации эстетических отношений, так как (а) охватывает все отношения без исключения, (б) представляет их равноправно. Понятие сферы приобретает в последнее время особое значение. Этому способствовал В. И. Вернадский, который выделил два типа сфер и создал учение о *биосфере* и *ноосфере*. Он писал: «В лике Земли выявляется поверхность нашей планеты, ее *биосфера*, ее наружная область, отграничивающая ее от космической среды» [Вернадский 2002: 32]. К *ноосфере* он подходит в анализе научного мировоззрения как планетного явления и подчеркивает, что под влиянием научной мысли и человеческого труда биосфера переходит в новое состояние — *ноосферу* [Там же: 252]. Учение В. И. Вернадского получило отклик и в фило-

логии. Так, Ю. М. Лотман создал в 1984 г. термин *семиосфера*, охватывающее семиотическое пространство, его структурную неоднородность и внутреннее разнообразие. А. Ф. Лосев говорил о сфере смыслов [Лосев 2000а; 2006]. Д. С. Лихачев ввел понятие *концептосфера*: «Термин *концептосфера* вводится мною по типу терминов В. И. Вернадского: *ноосфера*, *биосфера* и пр. Понятие концептосферы особенно важно тем, что оно помогает понять, почему язык является не просто способом общения, но неким концентратом культуры — культуры нации и ее воплощения в разных слоях населения вплоть до отдельной личности» [Лихачев 1997: 287]. Для толкования языкового отношения как эстетического является важным понятие *аксиосфера*. Им обозначается вся область ценностного отношения человека к миру [Столович 1999: 105]. «Очевидно, что и в атмосфере, и в биосфере, и в ноосфере, и в семиосфере не все является ценностно значимым. Вместе с тем, понятие аксиосферы не ведет фатально к полной автономизации мира ценностей. Это понятие может служить для определения связи сферы ценностей с другими сферами бытия, в частности и в особенности — со сферой культуры» [Там же: 106]. Леонид Столович приходит к выводу, что взаимодействие специфически различных сфер не представляет собой «крутой пограничный режим», а подразумевает взаимопроникновение, диалектическое взаимодействие, единство противоположностей. «Биосфера не может существовать без атмосферы. Человек принадлежит и к биосфере, и к ноосфере Разума. Семиосфера — необходимое условие функционирования ноосферы. Без аксиосферы человечество также не в состоянии существовать, как биосфера без атмосферы» [Там же].

27. Для полного осмысления языкового отношения как эстетического необходимо эстетические явления соотнести с корреляционными параметрами, какими являются аксиологичность, димензиональность, динамичность, (интер)дисциплинарность, эксплицитность, нормативность, иерархичность, гомогенность, комплексность, контактность, контрастность, квантитативность, модулятивность, облигаторность, операциональность, реальность, сегментарность, страдифицированность, направленность, зависимость и доминантность. Но анализ этого вопроса выходит по объему за рамки данной работы.

ЛИТЕРАТУРА

Беззубов 1975 — *Беззубов А. Н.* Стилистические и эстетические особенности частей речи в поэзии Алексея Кольцова // Вестник ЛГУ. Л., 1975. Вып. 2.

- Бычковы 2001 — *Бычков В. В., Бычков О. В.* Эстетика // Новая философская энциклопедия. М., 2001. Т. 4.
- Вернадский 2002 — *Вернадский В. И.* Биосфера и ноосфера. М., 2002.
- Голуб 1986 — *Голуб И. Б.* Стилистика современного русского языка. М., 1986.
- Донецких 1980 — *Донецких Л. И.* Реализация эстетических возможностей имен прилагательных в тексте художественных произведений. Кишинев, 1980.
- Донецких 1982 — *Донецких Л. И.* Эстетические функции слова. Кишинев, 1982.
- Животић 1982 — *Животић Р.* Вулгаризми у комуникативној и естетичкој функцији // Језик у савременој комуникацији. Београд, 1982.
- КСЭ 1983 — Краткий словарь по эстетике / Под общ. ред. М. Ф. Овсянникова, В. А. Разумного. М., 1983. 1-е изд. — 1964.
- Лебедева 1973 — *Лебедева Н. В.* Об эстетической функции и лингвистических основах поэтической речи // Проблемы грамматики и стилистики английского языка. М., 1973.
- Лихачев 1997 — *Лихачев Д. С.* Концепты русской культуры // От теории словесности к структуре текста / Под ред. В. П. Нерознака. М., 1997.
- Лосев 2000а — *Лосев А. Ф.* История античной эстетики: Итоги тысячелетнего развития: В 2 кн. Харьков; М., 2000.
- Лосев 2000б — *Лосев А. Ф.* История античной эстетики. Поздний эллинизм. Харьков; М., 2000.
- Михайлов 1968 — *Михайлов М. М.* Стилистика русской речи. Чебоксары, 1968.
- Николаева 1979 — *Николаева В. В.* Эстетика языка и речи. Л., 1979.
- Николаева 1990 — *Николаева Т. М.* Опыт классификации ученых: метод — объект // Вопросы кибернетики: Язык логики и логика языка. М., 1990.
- Разинкина 1985 — *Разинкина Н. М.* О возможности приложения некоторых критериев эстетики к формулировке лингвистического понятия «функциональный стиль» // Функциональный стиль: лингвометодические аспекты. М., 1985.
- Сваричевская 1990 — *Сваричевская Л. Ю.* Формирование эстетического значения глагольных словосочетаний в прозаическом тексте (на материале романа В. Орлова «Альтист Данилов») // Вісник Львівського університету. Серія філологічна: Мова і сучасність. Львів, 1990. Вип. 21.
- Столович 1999 — *Столович Л.* Философия. Эстетика. Смех. СПб.; Тарту, 1999.
- Тофтул 1968 — *Тофтул М. Г.* Эстетическое отношение человека к действительности. Черновцы, 1968.
- Чернышевский 1955 — *Чернышевский Н. Г.* Эстетическое отношение искусства к действительности. М., 1955.
- Эко 1977 — *Эко У. и др.* Эстетика и теория информации. Београд, 1977.

- Эстетика 1989 — Эстетика: Словарь / Под общ. ред. А. А. Беляева, Л. И. Новиковой, В. И. Толстых. М., 1989.
- Korlén 2000 — *Korlén G.* Das Unwort des Jahrhunderts «Menschenmaterial» // LMS Lingua / Hrsg. von der Riksföreningen för Lärarna i Moderna Sprak. Göteborg, 2000. № 3.
- Miko 1966 — *Miko F.* Z problémov estetiky jazyka // Slovenské pohľady. Bratislava, 1966.
- Mukařovský 1940 — *Mukařovský J.* Estetika jazyka // Slovo à slovesnost. Praha, 1940.
- Mukařovský 1964 — *Mukařovský J.* The Aesthetics of Language // A Prague School Reader on Aesthetics. Literary Structure and Style. Washington, 1964.
- Mukařovský 1935 — *Mukařovský J.* Esteetická funkce a estetická norma jako sociální fakt. Praha, 1935.
- Mukařovský 1936 — *Mukařovský J.* Estetická funkce, norma a hodnota jako sociální fakty. Praha, 1936.

ИСТОЧНИКИ

- Unwort 2001 — <http://www.unwort.de>.
- Unwortdesjahres 2001 — <http://www.unwortdesjahres.org/unwort>.
- Павлова-Сильванская 1999 — «Московские новости», 28.12.1999.
- Слово 2001 — «Белорусская газета», № 50 [316] от 26.12.2001.
- Слово 2002 — Grad Info ТОК.радио 107,6 МГц, 26 мая 2002 г. В столице Урала 17:17.
- Слово года 1944 — <http://gm731.narod.ru/VEshKi/v1944.htm>.
- Толстой 2000 — *Толстой Л. Н.* Собрание сочинений: Война и мир // МЦФ. ИДД. CD. www.iddk.ru. М., 2000.
- Шолохов 1975 — *Шолохов М. А.* Судьба человека. М., 1975.

И. ВАН ЛЕВЕН-ТУРНОВЦОВА

ИСКУССТВО КРАСИВОГО РАЗГОВОРА И ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ДИГЛОСИИ

В процессе развития языка имеются явления «естественной» и «искусственной» стандартизации. О «естественной» стандартизации можно говорить тогда, когда определенная форма существования языка развивается в согласии и одновременно с развитием коммуникативных потребностей данного языкового сообщества¹. К «искусственной» стандартизации приступают тогда, когда коммуникативные потребности и языковые средства не совпадают по времени и функциям и когда разработка новых функциональных средств становится (по различным причинам) необходима.

В развитии всех литературных языков европейского ареала имеется четко определяемая фаза «искусственной» стандартизации, которая в большинстве случаев происходила в XVIII или XIX столетии и представляет собой преднамеренно осуществляющуюся, целенаправленную разработку лексических, синтаксических и стилистических средств [Kloss 1976: 301 f.]. Все эти языки связаны с письменностью (*Schriftlichkeit/Literarität*), их норма во многих отношениях диктуется письменностью. Все нелитературные формы существования языка (нонстандарты) являются прежде всего результатом «естественной» стандартизации. На их развитие также повлияла письменность, но это влияние было опосредованным, скорее контекстуального, чем текстуального рода. Интенсивность этого влияния сказалась на различиях функционального потенциала данных нонстандартов, который (преимущественно в сфере устной речи) может приближаться к многофункциональности литературного языка.

Рассмотрим социолингвистические условия и следствия «искусственного» формирования литературного языка и определим роль, форму и функцию коммуникативного феномена, который будем называть «искусством красивого разговора». Выражение «искусство красивого разговора» можно связать с понятием и термином «искусство конверсации» («*Konversationskunst*»), отме-

¹ О понятии «естественной» и «искусственной» стандартизации см.: [Micklesen 1987: 443 ff.].